

НЕИСТОВЫЙ БУДРАЙТИС

Моск. правда. — 1999. — 19 марта. — с. 11.

Он получил университетский диплом специалиста уголовного права, но еще студентом снялся у Жалакявичуса в "Никто не хотел умирать", и карьера юриста закончилась, не начавшись. Трудно сказать, обездолил ли он Фемиду, но Клио и Мельпомену осчастливил точно. И вдруг — новый поворот.

— Юзас, три года назад вы приехали в Москву советником по культуре посольства Литвы.

В ответ восклицание — Будрайтис, похоже, и сам удивлен: три года для дипломата — своего рода контрольный срок, рубеж. Поначалу ему было трудно сменить артистический антураж на дипломатический:

— После первых дней работы в МИДе говорю жене: что это на меня все косятся? А она мне отвечает: ты к зеркалу подойди. Смотрю на себя. Свитер растянутый, старые брюки. Ну люблю я все обновленное, удобное! Повела меня жена в магазин, купили костюм, галстуки... Привыкал долго, а теперь даже начал находить в этом игру — какой галстук выбрать. Сегодня, правда, не заметил, какой на мне галстук, потому что в темноте из шкафа вытащил.

За три года Будрайтис успел открыть в старинном здании на Поварской культурный центр — дом Балтрушайтиса (в память первого посла независимой Литвы, поэта Серебряного века) и от души убажнить столичный бомонд выставками, концертами и даже научными конференциями.

Ученые со всего мира собирались тут недавно на научные чтения о "Катехизисе" Мартинаса Мажвидаса — первой печатной книги на литовском языке. Просвещенную публику порадовали докладами российский академик, итальянский профессор и литовский спикер Эйма (последнее было немедленно отмечено зловитыми московскими журналистами не в пользу учености отечественных политиков):

— Самое замечательное, и в этом я убедился вновь на последней конференции, — отношения между людьми. Чем больше людей культуры и искусства будет приезжать сюда, общаться с людьми культуры и искусства в России, тем интереснее всем, и мне в том числе, как организатору этого процесса. Я видел, как профессор Пиетро Дини из Пизы и наш академик Зигмас Зинкявичус побежали целоваться с Владимиром Николаевичем Топоровым — Господи, это до слез! Хотел сделать вечером для них прием, а они все побежали к Татьяне Цивьян. Это самое прекрасное. Для конференции многие труды специально написали, академик Топоров прочел свой доклад, а это уже историческое событие. Труды будут изданы, я уверен, что сборник разойдется по университетам, и, кто знает, может быть, еще кто-нибудь по-литовски напишет. А может быть, кто-то начнет литовский язык изучать. Это как круги по

воде. Хочу, чтобы как можно больше людей, особенно молодых, узнали Литву, ведь там, согласитесь, есть замечательные вещи.

В доме на Поварской до войны размещалась первая дипломатическая миссия Литвы. Потом были ободранные стены. Нынешнему послу Ромуалдасу Козыровичусу удалось вдохнуть в них жизнь. Какое еще посольство в Москве может похвалиться столь активной деятельностью своего культурного центра?

— Шведы могут, — поправляет мой собеседник. — Они очень сильно работают, но там целый отдел и совсем другое финансирование. Мы хотели бы похвастаться Сондецкисом, но билеты, гостиница для целого оркестра, 5 тысяч долларов за аренду концертного зала — где взять столько денег? Здесь нужен межгосударственный договор в области культуры и обмена культурными программами.

— И все равно ваша кипучая энергия преград не знает!

— Это компенсация творчества.

— Фильма "Классик" с вашим участием, каюсь, пока не посмотрела, но некоторые мои сослуживцы видели и — как бы это помягче? — не в восторге, хотя актеры собраны отличные. Вы-то как оцениваете — удачная картина или не очень?

— Я уже перестал оценивать — удачно — неудачно. Ведь не будет никогда такого, чтобы меня сняли Михалков или Спилберг. А так... ну лучше, ну хуже... об этом не думаешь. Снялся, и слава Богу. Важен факт, что ты проявил себя в профессии, что не забыл еще, как это делается. Должен заметить, в последнее время работать в кино было неинтересно. Я все переиграл — и у хороших режиссеров, и у плохих, уже надоело. А теперь — хобби. Снялся у Прошкина в "Русском бунте", это по "Капитанской дочке". Сыграл небольшую роль слегка чокнутого генерал-губернатора.

— О разнообразии ваших талантов, а также немыслимой учености ходят легенды.

— Вы шутите?

— Какие шутки? Разве вы забыли, сколько раз участвовали в фотовыставках? Картины пишете. В лавках букинистов замечены, и не раз.

— Я по природе такой немного ненормальный, мне много чего нравится, никогда не могу определить, что нравится больше всего.

— Бухгалтерский учет вам тоже нравится?

— Да! Очень любопытно смету составлять. Когда начинаю думать, почему сходятся или не

сходятся цифры, мне становится интересен государственный бюджет. Игра эта, конечно, абстрактна, но все равно занятно.

— В литературе ваше увлечение — Серебряный век русской поэзии?

— В этом виноват Юргис Балтрушайтис. Я глубже нырнул в Серебряный век, начал не только стихи почитать, но и присматриваться к тому периоду. Тем более, это еще не так далеко, можно увидеть след живой души. Интересна не только сама поэзия, но и исследовательские труды об этой эпохе. Много замечательных работ написали Мандельштам, Гумилев, я уж не говорю о Вячеславе Иванове: его биография Балтрушайтиса — одна из лучших. Когда вникаешь, приходит привязанность к той эпохе. Без этого уже и жить трудно.

— Дипломатическая служба оставляет время для книг?

— Читаю рано утром. Встаю в шесть или в пять, бывает, и в четыре. До половины девятого времени остается. В букинистических провозу все субботы...

— ...и часто приносите оттуда что-то замечательное и старинное.

— Бывает. Вот купил книги о кальвинизме. Меня вдруг стало занимать это очень аскетичное религиозное движение. Почему, допустим, в Амстердаме не закрывают окон шторами?

— Почему?

— Чтобы было видно, что люди делают. Не надо стесняться ничего, человек должен жить так, как он живет перед Богом, все открыто делать.

— Я смотрю, вы время от времени погружаетесь в совершенно новую для вас область знаний.

— Пытливость удовлетворяю. Вот сын приехал, привез маленькую книжечку "Советский Фауст. Лев Термен, пионер электронного искусства". Я и не знал, что были люди, увлеченные до чертиков этим искусством.

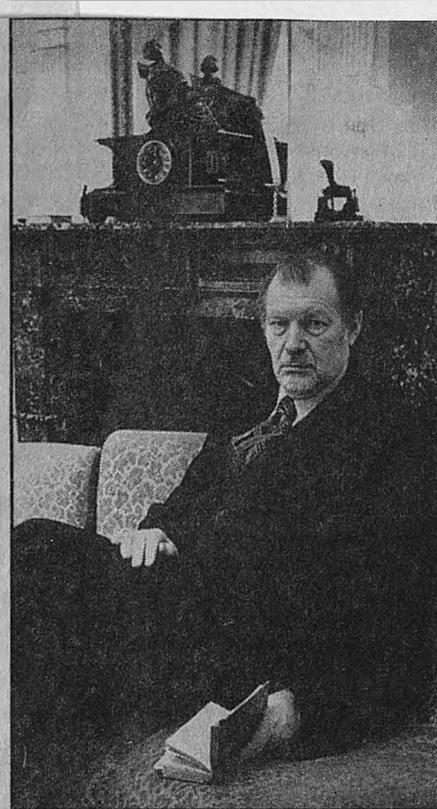
— Вы ведь из многодетной крестьянской семьи. Так откуда же эта пытливость?

— Ну что тут особенного? Когда крестьянин утром встает и проверяет, можно ли сеять — это тоже удовлетворение пытливости, поиск чего-то. И все остальное — тоже. Лен убрать, сделать нитку, полотенце соткать, овцу стричь, связать свитер — вот взаимобмен, в котором нет ничего лишнего и который так привлекает. Разве это не творчество?

— Вас узнают на улице?

— Узнают. Иной раз останавливают, благодарят.

Конечно, раньше это бывало чаще, потому что фильмы, которые выходили, смотрела поголовно вся советская страна. Как-то на Белорусском вокзале за мной устремился целый табир, но я успел вскочить в свой вагон. Цыганки

все равно не отстали, в окно просовывали флакончики и пузырьки — "понюхай, дорогой!".

Шел по Грузинской поздней ночью, четверо навстречу, захотели меня побить, потом узнали: "Актеров не бьем!". А однажды в метро на "Кировской" милиционер задержал. Я через пару часов ехал обратно и спросил у постового, почему из толпы он выбрал именно меня. Он говорит: "Мало ли что! Лицо у вас подозрительное, где-то я вас видел".

Случались вещи совсем смешные: то спрашивали, не Шакуров ли я, то толкали друг друга — смотри, вон идет Банионис!

Теперь — другое дело, но молодежь тоже иногда узнает. Это удивительно, ведь они фильмов не видели, в кино не ходят, да и вкусы у них другие. В общем, хорошо, что еще не все меня забыли, это помогает работать — легче договориться с Российским фондом культуры, чем советнику какой-либо другой страны.

Мне есть за что благодарить кинематограф. Он дал возможность увидеть мир, а когда столько разных стран и разных людей, это очень обогащает. Едешь на съемки, ходишь по Риму, по Флоренции, получаешь возможность бить ногами камни Римской империи, и что-то в тебе меняется, возвращаешься уже не такой. Париж, Дамаск, а там еще что-то. Одно время очень увлекался Востоком, особенно Японией, прочитал много книг, исследовательские труды о буддизме. Это освежало душу. И потом Восток располагает к поискам разнообразия в себе и самоусовершенствованию. Наверное, это мечта лентяя.

Елена СУББОТИНА.
Фото Александра ВОЛОДИНА.